

Андрей Река

**Медальон:
пробуждение
силы**

Андрей Река

Медальон: пробуждение силы

«Автор»

2026

Река А.

Медальон: пробуждение силы / А. Река — «Автор», 2026

Городской подросток, Артём, на летние каникулы приезжает в деревню к бабушке – подальше от гаджетов и школьных забот, в мир тишины, лесов и старинных преданий. В деревне он знакомится с находчивыми близнецами Тишкой и Гришкой, мудрой и заботливой Алёной, а также с домовым Стешей – ворчливым, но добрым хранителем домашнего очага. Постепенно мальчик понимает: деревня хранит тайны, а вокруг него пробуждается что-то необъяснимое. Артём обретает необычную силу – она исходит от старинного медальона, доставшегося ему не случайно. С его помощью подросток учится управлять энергией, тренируется защищаться и направлять магическую силу против врагов. Медальон привлекает древнее зло. На пороге летнего праздника тьма сгущается над деревней. Приходит воплощение злой доли, жаждущее открыть врата между мирами и погрузить мир живых в вечный морок. Вместе с друзьями и волшебными союзниками – Артём встаёт на защиту деревни.

© Река А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Медь, коровы и мёртвая зона	5
Глава 2: Хозяин за печкой	7
Глава 3: Клад старого банника	11
Глава 4: Пробуждение древней силы	13
Глава 5: Шепот камышей	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Медальон: пробуждение силы

Глава 1: Медь, коровы и мёртвая зона

Артем Калинин считал, что в четырнадцать лет жизнь должна состоять из гигабайтов трафика, неоновых вывесок и ритмичного бита в наушниках. Но реальность встречала его запахом навоза и бесконечно тянущимися березами. Автобус, больше похожий на консервную банку с колесами, подпрыгнул на очередной выбоине, и Артем в сотый раз проверил уровень сигнала на смартфоне.

– Ноль, – констатировал он вслух, поправляя наушники. – Просто цифровое кладбище.

Он потянулся к груди и привычным жестом сжал старинный медный медальон. Тяжелый диск с выгравированным переплетением странных узлов был единственным, что осталось от деда Агафона Святославовича. Отец говорил, что дед был «человеком старой закалки» и знатным лесником, но Артем помнил его только как высокого старика, от которого пахло хвоей и порохом, и который всегда смотрел куда-то поверх крыш, словно видел там что-то недоступное остальным.

Деревня Славки встретила Артема парадом домашнего скота. С точки зрения городского жителя, это выглядело как стихийное бедствие в замедленной съемке. Толстобокые коровы перегораживали дорогу с таким видом, будто они как минимум владельцы этой трассы, а нахальный гусь, едва Артем сошел на пыльную обочину, попытался ущипнуть его за штанину.

– Анализируем обстановку, – пробормотал Артем, оглядываясь. – Инфраструктура: отсутствует. Развлечения: наблюдение за ростом сорняков. Безопасность: гуси-террористы.

Славки стояли на самом краю леса. И это был не тот дружелюбный парк, где можно покататься на самокате. Лес за околицей напоминал огромную зеленую стену, мрачную и плотную, от которой даже в сорокоградусную жару веяло холодом. Дома в деревне были крепкими, почерневшими от времени, с резными наличниками, которые в сумерках казались чьими-то застывшими лицами.

Дом бабушки Варвары Петровны выделялся среди остальных – он стоял на самом отшибе, почти прижавшись спиной к лесной чаще. Бабушка встретила внука так, будто он вернулся с войны: охапками пирожков, объятиями, от которых хрустнули ребра, и подозрительно внимательным взглядом на медальон.

– Вырос-то как, Артемушка. Боже ты мой, а как на деда Агафона похож, прям одно лицо, – вздохнула она, провожая его в дом.

Ковыляя следом за внуком, бабушка радостно вздыхала.

– Ох, заждалась я тебя, скучала, – усаживая Артёма за стол, приговаривала она. Как доехал, не устал в дороге, всё-таки далековато до города?

– Да нет, бабушка, не устал, всё в порядке, я тоже за тобой соскучился, – ответил ей Артем.

Хлопоча по кухне, бабушка ненароком кинула взгляд на шею внука.

– Ты молодец, что медальон носишь, вещь дедовская, надежная. Ты его-то только здесь не снимай. Всяко-разно может приключиться, а медальончик твой заговоренный, авось и защитит.

Детский мозг Артёма уловил странные тревожные нотки в голосе бабушки, но не придавал им большого значения, поскольку с тех пор, как в восемь лет дед сам одел ему этот медальон на шею, он его больше никогда не снимал.

Внутри дома было прохладно. Пахло сушеными травами и старым деревом. Артем бросил рюкзак в углу и присел на лавку у огромной старинной беленой печки, которую топили дровами, а зимой стелили сверху пуховую перину и спали на прогретой импровизированной

кровати. И тут же замер. Из-за печки донесся странный звук – не мышьяная возня, а отчетливое, сухое поскрипывание, будто кто-то крошечными пальцами перебирал сухую солому.

– У вас тут... экосистема за печкой развивается? – спросил Артем, подозрительно прищурившись.

– Это запечник ворчит, – буднично отозвалась бабушка, громыхая ухватом. – Не обращай внимания, он к новым людям долго привыкает. Главное, крошки на столе не оставляй, не любит он беспорядка.

Артем скептически выгнул бровь. «Запечник. Психологическая проекция деревенского быта на домашнюю фауну», – пометил он в уме.

Ближе к вечеру Артем вышел на крыльцо, надеясь поймать хотя бы одну «палочку» связи, чтобы сообщить о себе родителям. Он так увлекся поиском сети, что не заметил, как практически вплотную приблизился к лесу. В этот момент позади него к околице подошла девочка. На вид его ровесница, в простом сарафане, с выгоревшей на солнце косой и удивительно серьезными серыми глазами.

– Зря ты туда телефон тянешь, – раздался звонкий голос. – Лес технику не жалуется. Глохнет он её.

Артем вздрогнул и едва не выронил смартфон.

– Кто? Лес? Ты еще скажи, что он питается литий-ионными аккумуляторами. Кстати, я Артем.

– Я знаю. Я Алена, – она кивнула на лес, который в лучах заходящего солнца стал кроваво-красным. – Слушай внимательно, городской. В Славках свои правила. Гуляй по деревне, ходи на речку, но в большой лес, что за бабушкиным огородом начинается – ни ногой. Тот факт, что ты был здесь мелким, не значит, что сейчас можно приехать, бродить и делать тут всё, что в голову взбредёт.

– Это почему? – Артем включил свой фирменный аналитический тон. – Медведи? Клещи? Нарушение границ частной собственности?

Алена посмотрела на него с какой-то странной жалостью, а потом её взгляд тоже остановился на его медном медальоне.

– Лихо там бродит, – серьезно ответила она. – Оно чужаков не любит, а тех, кто с «меткой», – тем более. Просто не ходи туда, Артем. Себе дороже.

Она развернулась и быстро пошла по тропинке, скрывшись в сумерках прежде, чем он успел задать следующий вопрос.

– Отлично, – прошептал Артем, чувствуя, как внутри него просыпается чисто научное упрямство. – Сначала запечники, теперь сказки про лесных монстров, они правда все думают, что если я из города приехал, то меня можно сказками для малышей напугать.

Не понравилось ему и то, что Алена назвала меткой, необычное маленькое родимое пятно в форме начертанного кем-то слова на неизвестном языке на его шее. Ведь сам Артём не обращал на него никакого внимания и даже почти забыл о его существовании.

Он дотронулся до медальона. Ему показалось, или металл под пальцами стал подозрительно теплым, почти пульсирующим? Артем посмотрел на темную стену деревьев. Теперь, после предупреждения Алены, этот лес манил его сильнее, чем любая городская загадка. В его аналитическом уме сложилась первая задача: выяснить, чего именно боятся жители этой странной деревни и что скрывается за обычными суевериями?

Глава 2: Хозяин за печкой

Ночь в деревне была не такой, как в городе. В ней не было гула машин, только оглушительная тишина, прошитая стрекотом сверчков и далеким уханьем совы. Артем ворочался на скрипучей деревянной кровати с металлической сеткой, глядя, как лунный свет расчерчивает пол на светлые и темные полосы. Смартфон предсказуемо разрядился и теперь лежал бесполезным куском пластика на тумбочке.

Артем вспомнил деревянный уличный туалет в огороде у бабушки и передернулся от отвращения. Как можно привыкнуть к таким неудобствам городскому жителю. Ко всему прочему, ужаса ещё добавляет тот факт, что прежде чем туда войти, нужно метёлкой, стоящей у двери, разогнать пауков и смести паутину, которую они там заплетают, кажется, ежесекундно.

Внезапно Артема вырвал из мрачных воспоминаний и разорвал тишину вокруг знакомый звук. Скр-р-рык.

Парень приподнялся на локтях. Звук доносился теперь не из-за печки, а прямо из центра комнаты. Возле его рюкзака, на самом краю лунной дорожки, сидело нечто. Сначала он принял это за крупного кота, но «кот» стоял на задних лапах и сосредоточенно копался в открытом кармане рюкзака. Артем быстро поморгал глазами, но странное существо никуда не исчезло, и было отчетливо видимым в ярком лунном свете.

– Эй! – шепотом выкрикнул Артем.

Существо подпрыгнуло, выронив пачку овсяного печенья, и обернулось. В темноте блеснули два глаза, похожих на полированные янтарные пуговицы. Это был маленький человечек ростом не выше колена, весь покрытый густой, пепельно-серой шерстью, из-под которой виднелся расшитый пояс и крошечные лапки.

– Шумишь, городской, – скрипучим, шепчущим, но на удивление звонким голоском сказала существо. – Ишь, разорался. Бабку разбудишь, она меня за беспорядок опять веником отходит.

Артем замер, чувствуя, как его рациональный мир дает глубокую трещину.

– Ты... Ты и есть тот самый запечник?

– Для кого запечник, а для домашних – Стеша, – существо степенно поправило пояс и сделало шаг вперед. – Степан Кузьмич, если по-хорошему. А ты, Артемка, видать, совсем страх потерял. В дом вошел – не поздоровался, не поклонился, печенье спрятал, а самое главное – «будильник» на шею надел и ходишь, звенишь на весь лес.

Стеша ткнул коротким пальцем ладони, появившейся откуда-то из недр его мохнатого тельца, в сторону груди мальчика. Медальон деда под майкой ощутимо жгло. Артем вытащил его наружу; медь светилась тусклым, ровным оранжевым светом.

– Что значит «звенишь»? – Артем попытался вернуть голос в аналитическое русло, хотя он всё равно предательски продолжил слегка дрожать. – Это старый сплав, возможно, реагирует на магнитное поле...

– Магнитное горе у тебя в голове, – фыркнул Стеша, усаживаясь прямо на пол по-турецки скрестив ножки-лапки. – Медальон этот – ключ и оберег в одном флаконе. Дед твой, Царство ему Небесное, знал, как с лесом говорить. А медальон этот больше шести лет спал, как мышь под снегом. А теперь ты приехал уже подросток, кровь в тебе дедовская забурлила, вот вещица и «проснулась». Дед твой не простым человеком был, а главным в наших краях заступником и хранителем, и силой магической обладал немереной. Я сразу учуял её, как только ты с автобуса сошёл и ступил на нашу землю. И Земля это почувствовала, завибрировала мелкой дрожью. Сила эта от деда к тебе перешла. Только боюсь, что учуять тебя не только я один мог.

Стеша подался вперед, и его янтарные глаза стали серьезными.

– Слушай меня, парень. Деревня наша – не просто избы. Это застава. С этой стороны – мы, «домашние», да «людишки». С той стороны, за изгородью – Большой Лес. Там другие законы. И Лихо, про которое тебе Аленка сказывала, – это не сказка. Это тень древняя. Она сейчас твой медальон чувствует, как волк – запах мяса. Он для нее – как маяк в тумане.

Артем слотнул, чувствуя, как пульсирует металл на его груди.

– И что мне делать? Снять его?

– Снимешь – защиты лишишься, – отрезал Стеша. – Лесные тебя вмиг запутают, в болото уведут. Но и светить им просто так нельзя. Ты вот что, Артемка: уважение проявляй к дому – не свинячь, к лесу без надобности не суйся, и меня не зли. Я ведь, если обижусь, могу и кипятком обварить, и сны плохие нагнать.

Стеша ловко подхватил выпавшее печенье.

– Это я в качестве налога за лекцию возьму. И запомни: медальон греется не к добру. Значит, кто-то из «тени» уже подошел к самому забору и вынюхивает.

– Кто? – немного съезжившись в плечах, спросил Артем.

– А тот, кого Алена называть боится, почти шепотом, ответил ему бородатый Степан Кузьмич.

Домовой вдруг стремительно, по-кошачьи, метнулся к печке и растворился в тени, оставив после себя лишь слабый запах сушеной мяты и едва уловимое поскрипывание половиц.

Артем остался сидеть в темноте на кровати, сжимая в руке горячую медную бляшку. В голове вертелось слово «экосистема», но теперь оно казалось ему глупым и плоским. За окном, в глубине леса, вспыхнул и тут же погас холодный бирюзовый огонек, будто кто-то огромный моргнул, глядя прямо на его окно.

Глава 3: Клад старого банника

Несмотря на то, что деревня Славки была небольшой, в ней насчитывалось всего-то не больше сотни домов, детей тут было немало. Но, поскольку учителей в деревне не проживало, школу здесь так и не открыли, и местным ребятишкам всё время приходилось добираться в соседнее село Орлиное, где располагалась небольшая школа с тремя учителями: Людмилой Ивановной Зиновьевой, преподавателем математики, геометрии и черчения, Галиной Викторной Перовой, учителем рисования, русского языка и литературы, и Пантелеем Михайловичем Груздой, который вёл историю, физкультуру, физику, химию и труды. А возглавляла эту тройку и управляла всей школой в три классных кабинета, строгая директриса, Виктория Ильинична Трипутина. Когда она выходила из своего кабинета на перемене, поправляя очки выше на переносице, дети тут же затихали и жались по углам, стараясь не попадаться ей на глаза.

А самыми известными мальчишками в деревне были близнецы Тишка и Гришка. Они являлись местной легендой и одновременно проклятием деревни Славки. Одинаковые с лица – вихрастые, с россыпью рыжих веснушек на переносицах и вечно сбитыми коленками, – они учились в пятом классе сельской школы соседнего села. Каждое утро школьный автобус забирал их, увозя подальше от греха, но к вечеру «энергия разрушения» неизменно возвращалась.

Их проделки за последние пару лет стали в Славках притчей во языцех. Зимой они умудрились заблокировать дымоход у деда Пахома, чтобы посмотреть, как тот выскочит на мороз в одних подштанниках, думая, что в доме поселился дымный дух. Весной они раскрасили соседских свиней под зебр, используя найденную в сарае старую банку с черной краской для забора. А прошлым летом близнецы и вовсе превзошли себя: подложили в колодезное ведро старый магнитофон на батарейках с записью, из-за чего вся деревня три дня обсуждала, что вода в Славках начала молиться на латыни.

Родители Тишки и Гришки, люди простые и работающие, лишь разводили руками, обещая «всыпать по первое число», но мальчишек было не остановить. Городской Артем, со своим медным медальоном, стал для них новой, идеальной мишенью.

Не успело наступить утро, братья отправились к дому бабушки Вари.

– Слышь, городской! – Тишка вынырнул из-за куста смородины. – А ты знаешь, почему дед твой баню на три замка запирает? Говорят, там клад заложен. Под самой печкой-каменкой.

– Какой еще клад в бане? – Артем скептически посмотрел на мелких провокаторов. Медальон на груди был холодным, и уверенность Стеши в «лесных тенях» при свете солнца казалась вчерашним мороком.

– Особый! Серебро старое, – подхватил Гришка, хитро переглядываясь с братом. – Только зайти надо в «третий пар», в сумерках. Если смелый – пойдем, покажем. Мы ключ-то знаем, где лежит.

Целый день Артем помогал бабушке по хозяйству, слонялся по двору и читал дедовскую книжку про всевозможные полезные свойства различных лесных растений, и древние старославянские мифы и легенды, с нетерпением ожидая вечера.

Несмотря на то, что он чувствовал себя уже взрослым и старался соответствовать своему возрасту, детский взгляд на мир и тяга к приключениям ещё не отпустили его сознания.

Любопытство и желание доказать юным близнецам, что он не «неженка» пересилили осторожность. Вечером, когда солнце коснулось верхушек черных елей Большого Леса, троица стояла у порога старой, почерневшей от времени бани, стоявшей на самом отшибе владений бабы Вари, у быстрого ручья.

В тот момент ребята ещё не знали, что у старой бани есть свой хозяин, и он очень не любил гостей после заката. В славянском мире это существо считалось самым опасным из

«домашних». Если домовый присматривал за хозяйством, то Банник – голый старик, покрытый прилипшими дубовыми листьями, – был суров и не прощал неуважения. Историю о нем Артем прочитал в дедовской книжке, но не предал этому значения.

– Заходи, – Тишка толкнул тяжелую дверь. – Мы сразу за тобой.

Как только Артем шагнул в предбанник, где пахло затхлым веником и сырой землей, за его спиной звонко шелкнул засов. Близнецы, давась от смеха, прижали дверь снаружи тяжелым поленом.

– Посиди, поищи серебришко, Артемка! – крикнул Гришка. – Только смотри, чтоб Банник тебе спину не обдёр!

Артем обернулся, дернул ручку – заперто.

– Эй, не смешно! Открывайте!

Но смех снаружи внезапно оборвался. Стало слышно только, как в углу бани, за печкой, капнуло что-то тяжелое. Кап. Кап. Кап. Внезапно температура в помещении начала стремительно расти, хотя печь не топили. Из щелей между бревнами повалил густой, едкий пар, пахнувший не хвоей, а серой и старой кожей.

Из темноты парной дохнуло тяжелым жаром.

– Клад ищешь? – раздался скрипучий, словно треск горящих поленьев, голос. – А кожу свою на полке оставить не хочешь?

Из тени показалось существо: маленькое, тощее с длинными, костлявыми пальцами и горящими красными глазами. Его кожа была сморщенной, как старое яблоко, голое серое тело, практически полностью покрывали прилипшие дубовые листья от банного веника, а вместо волос на голове торчали клочья засохшего мочала. Это был Банник, разгневанный тем, что в его владения зашли без спроса, да еще и с дурными помыслами.

Артем отступил к двери, но медальон на его шее внезапно вспыхнул ослепительным оранжевым светом. Банник зашипел, закрывая лицо длинными пальцами.

– Медальон Хранителя! – прохрипел старик. – Но ты не Хранитель! Ты – воришка!

Он замахнулся костяным ковшом, из которого выплеснулся кипяток, летящий прямо в мальчика. В этот момент дверь бани вылетела с петель, словно от удара тарана. На пороге стоял Стеша. Домовой выглядел иначе: он увеличился в размерах, его шерсть стояла дыбом, а в руках он сжимал тяжелую кочергу.

– А ну брысь за каменку, старый хрыч! – рявкнул Стеша, загораживая Артема. – Мальчишка под моей защитой! А этих двоих, – он кивнул на дрожащих Тишку и Гришку, которые валялись в траве, придавленные внезапным порывом ветра, – я сам выпорю, да так, что неделю сидеть не смогут!

Банник, увидев Стешу и почувствовав мощь пробуждающегося медальона, недовольно буркнул и буквально впитался в щель под полком, оставив после себя лишь облачко серого пара да размякший дубовый лист.

Стеша обернулся к детям. Его взгляд был страшен.

– Ну-ка, домой. Быстро! – скомандовал он близнецам. – А ты, Артем, запомни: в бане после заката не ты хозяин. Сегодня я тебя спас, но Банник – это цветочки по сравнению с тем, что ждет за забором.

Когда они возвращались к дому, близнецы шли, семена, не смея поднять глаз. А Артем, сжимая в руке остывающий медальон, снова посмотрел на Большой Лес. Тот самый яркий огонек теперь горел совсем близко к калитке, и на этот раз он не погас. Кто-то очень большой и очень древний ждал, когда защита деревни даст очередную трещину.

Глава 4: Пробуждение древней силы

Следующее утро в деревне выдалось тихим, но для Артема мир уже не был прежним. В воздухе висело предчувствие бури, а медальон на груди казался тяжелее обычного, словно налился свинцом. Тишка и Гришка после ночной взбучки от Стеши ходили тише воды, ниже травы, стараясь даже не смотреть в сторону бани.

После произошедшего с ребятами весь их мир и все то, что они раньше считали сказками старожил, перевернулось на триста шестьдесят градусов. Они собственными глазами увидели то, что долгое время было скрыто от них, но всегда было рядом, и от осознания этого становилось ещё страшнее.

После полудня к Артему зашла Алена, соседская девчонка, которая знала о лесных тропах больше любого взрослого.

– Хочешь увидеть то, о чем бабульки только шепчутся? – спросила она, и в ее глазах блеснул странный огонек.

Долгими уговорами парня одолеть не пришлось, он тут же беспрекословно последовал за Аленой.

Они вышли к самой кромке леса с другой стороны от его дома, туда, где старый забор из потемневших от времени досок почти полностью утонул в зарослях папоротника, репейника и больших, словно зонты, зеленых листьев лопуха. Алена вела его к заброшенной части общинных полей для сенокоса. Там, на возвышении, поросшем густым мхом, стоял курган. В его центре возвышался дольмен – четыре массивных плоских плиты, в одной из которых зияло идеально круглое отверстие, накрытых пятой, образующих подобие стола или маленького домика, покрытого рунами, которые казались не высеченными, а выжженными в камне.

– Говорят, это колыбель мироздания, – прошептала Алена. – Место, где мир людей встречается с тем, что было до нас.

Как только Артем сделал шаг к древнему камню, медальон, который вчера пылал оранжевым огнем защиты, внезапно начал пульсировать и вспыхнул холодным, пронизывающим синим светом. Этот свет не грел, он пробирал до костей. С его вспышкой в голове Артема взорвались воспоминания о прошлой, городской жизни.

Он вспомнил серый школьный коридор и компанию Костыля – высокого девятиклассника, который каждое утро ждал Артема у раздевалки. «Ну что, мелкий, сегодня сам отдашь «бабосики» или помочь?» – этот голос до сих пор вызывал у него тошнотворную слабость в коленях. Артем видел себя со стороны: сжавшегося, смотрящего в пол, неспособного не то что ударить, а даже возразить. Храбрость казалась ему чем-то из сказок, недоступным для обычного городского мальчишки.

Но здесь, под холодным сиянием артефакта, всё изменилось. Синий свет медальона начал впитываться в вены Артема, и он почувствовал, как страх перед Костылем превращается в нечто другое – в твердое осознание того, что те городские обиды были лишь тенью настоящей опасности.

– Артем... посмотри на камни, – низким голосом произнесла Алена. Её лицо побледнело.

Из круглого отверстия дольмена начал сочиться черный туман, густой, как деготь. Синий свет медальона выхватил из темноты леса силуэты. Они не были людьми. Высокие, неестественно тонкие фигуры стояли за деревьями, прижимаясь к стволам. У них не было лиц, только пустые глазницы, в которых отражалось синее сияние артефакта.

Артем почувствовал, как за его спиной кто-то стоит. Холодное дыхание коснулось его затылка, пахнущее прелой листвой и сырой землей. То, что следило за ними от самой калитки, наконец подошло вплотную.

– Мы чувствуем его, – прохрипел голос из чащи, и в этот раз это не был Банник. Голос был множественным, словно шелест тысячи сухих листьев. – Хранитель уснул, но его сердце... оно бьется в тебе. Мы тебя видим.

Артем сжал кулаки. Та самая слабость, что сковывала его в школе, внезапно столкнулась с яростной силой медальона. Он понял: если он побежит сейчас, он будет бежать всю жизнь – от Костыля, от Банника, от самого себя.

– Уходите, – голос Артема дрогнул, но не сорвался.

Синее сияние усилилось, став ослепительным. Камни дольмена завибрировали. Одна из теней метнулась к ним, протягивая длинную, суковатую лапу, напоминающую ветку дуба. Алена вскрикнула и прижалась к Артему.

В этот момент мир вокруг них замер. Птицы замолчали, ветер стих. Артем почувствовал, что медальон – это не просто украшение, это ключ, и он только что провернулся в замке. В лесной чаще что-то огромное, размером с гору, медленно открыло один единственный бирюзовый глаз. Ужас был почти осязаемым, он давил на плечи, заставляя желать смерти ради прекращения этого давления.

Но Артем не отвел взгляда. Он смотрел прямо в бесконечную черноту между деревьями, чувствуя, как внутри него просыпается древняя, суровая храбрость предков. Существа в тени зашипели и начали отступать, растворяясь в густых сумерках, которые наступили среди бела дня.

– Оно проснулось, – прошептала Алена, глядя на то, как синие искры от медальона медленно оседают на траву, превращаясь в иней. – Ты разбудил то, что спало веками.

Артем тяжело дышал. Его руки больше не дрожали. Он знал, что впереди его ждет бой, по сравнению с которым школьные драки были детской игрой, но теперь ему придется быть к этому готовым. Ведь, как он уже осознал, за забором деревни их ждал не просто лес – их ждал Лес, который помнил рождение первых звезд.

Глава 5: Шепот камышей

Следующее утро в деревне началось для Артема не с магического пробуждения сил, а с оглушительного «Ку-ка-ре-ку!», которое, казалось, прозвучало прямо у него в ухе. Древняя храбрость предков, проснувшаяся вчера вечером, при виде хозяйственного энтузиазма бабушки Варвары предпочла на время спрятаться поглубже.

– Вставай, внучок, солнце уже высоко – подмигнула бабушка, вручая ему тяжелое оцинкованное ведро. – Крепкий сон, это всегда хорошо, но Зорька сама себя не подоит. Да и яйца в курятнике заждались.

Близкое знакомство с сельским хозяйством началось у загона. Зорька посмотрела на Артема с таким глубоким философским презрением, что он сразу почувствовал себя городским дилетантом.

– Но-но, красавица, – пробормотал он, присаживаясь на низкую табуретку.

Процесс дойки оказался не героическим актом, а сложным техническим испытанием. Первые струйки молока летели куда угодно: в сапоги, на хвост корове, самому Артему в лицо, но только не в ведро. Когда же он, наконец, приноровился, Зорька решила, что аудиенция окончена, и с размаху припечатала его по щеке тяжелым, пахнущим навозом хвостом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.